

ОТДѢЛЪ I.

Изъ поѣздки по Малой Азіи.

У Некрасовцевъ на островѣ Мада, на Бейшейрскомъ озерѣ, Гамиль-абадскаго санджана, Конійскаго Вилайета.

I.

21-го и 22-го ноября прошлаго, 1895, года пришлось мнѣ посѣтить самое отдаленное поселеніе русскихъ раскольниковъ въ глубинѣ Малой Азіи, о которомъ, насколько мнѣ известно, въ русской литературѣ не упоминалось. Правда еще на картѣ Малой Азіи 1871 года, изданной военно-топографическимъ дѣло Кавказскаго военнаго округа, обозначенъ уже на Бейшейрскомъ озерѣ «Казак-адасі», т. е. казачій островъ, но мы не знаемъ взято-ли имя это изъ описанія пути какого-либо русскаго путешественника или же изъ иностранныхъ картъ. Глухое упоминаніе о поселеніи этомъ находится въ недавней статьѣ доктора Щепотьева о Майнозѣ¹⁾.

Въ книгѣ В. И. Ламанскаго²⁾, гдѣ приводятся подробныя свѣдѣнія объ исторіи выселенія Некрасовцевъ и о Майнозѣ; о Мадѣ же не могло быть и рѣчи, такъ какъ этого поселенія тогда еще не существовало.

Реклю³⁾; перечисляя прочія казачы поселенія въ Малой Азіи, о казакахъ бейшейрскихъ не упоминаеться, хотя это поселеніе и известно инымъ изслѣдователямъ Малой Азіи.

Такъ въ 1874 году на островѣ были берлинскій профессоръ Hirschfeld и Eggert, такъ какъ и на картѣ ихъ значится Kazak-adassi, и въ предварительномъ отчетѣ Hirschfeld упоминаетъ объ остаткахъ древности на островѣ, оче-

¹⁾ «Вѣстникъ Европы», 1895 г., августъ

²⁾ О Славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи. 1859 года. См. стр. 23—38.

³⁾ El. Reclus. Nouvelle g ographie universelle. Vol. IX, p. 551.

видно имъ посѣщенномъ, но о самихъ казакахъ никакихъ свѣдѣній не даетъ¹⁾.

Техасский профессоръ Sterret, изъѣздившій въ 1885 году окружающую озера страну, на островѣ не былъ и въ дневникѣ своемъ о казакахъ не упоминаетъ²⁾, хотя на картѣ Kazak-adasi и значится.

Польская археологическая экспедиція графа Ланцкоронскаго въ 1884 году прошла близъ южнаго берега озера черезъ какое-то другое селеніе Kazakli, т. е. «казачье», но къ сожалѣнію въ изданіи трудовъ экспедиціи этой никакихъ подробностей о поселкѣ этомъ не находится³⁾.

Въ новѣйшемъ описаніи Азіатской Турціи Виталія Кінѣ⁴⁾ о бейшеирскихъ казакахъ сообщаются слѣдующія, не вполнѣ точныя, свѣдѣнія: «La plupart (des îles) sont habitées par des Cosaques autrefois émigrés de la Russie et qui y ont bâti un village de 300 maisons. Ces Cosaques sont tous pêcheurs ou bergers».

Имѣвъ счастливый случай посѣтить островъ Маду на пути изъ Коніи въ Динеръ вмѣстѣ съ русскимъ консуломъ въ Коніи, Ал. Дм. Левитскимъ, я полагаю не безъинтереснымъ для Русскаго Географическаго Общества сообщить слѣдующія страницы, гдѣ я попытался изобразить видѣнное и слышанное мною на о. Мадѣ во время нашего краткаго тамъ пребыванія.

Еще ранѣе, въ самой Коніи, имѣль я случай познакомиться съ однимъ изъ бейшеирскихъ казаковъ, Исаакомъ Петровичемъ Петрушинскимъ, кавасомъ русскаго консульства, исколесившимъ западную часть Малой Азіи, возя солнечную рыбу и торгую всякой всячиной. Родившись на Майнозѣ, бывалъ онъ и въ дунайскихъ поселеніяхъ Некрасовцевъ, и въ Россіи: въ Очаковѣ, куда ъздили по дѣламъ къ архиерею австрійскаго толка, и на Аeonѣ, гдѣ искалъ священника для Мады; прійдя въ числѣ первыхъ переселенцевъ изъ Майноза на Маду, онъ послѣ долгой отлучки снова вернулся на островъ, гдѣ живетъ теперь его семья. Отъ него-то преимущественно и получила я сообщаемыя ниже свѣдѣнія, на него же возлагаю ответственность за ихъ вѣрность.

Послѣ полудня выѣхали мы изъ большой турецкой деревни Кирѣли-

¹⁾ См. Monatsberichte der Akademie der Wissenschaften in Berlin, 1879, стр. 302 и приложенную карту.

²⁾ Papers of the american school of classical studies at Athens. Vol. III (1884—1885), Boston, 1888, съ картой.

³⁾ Städte Pamphyliens und Pisidiens von C. Niemann und E. Petersen herausgegeben von Karl Grafen Lanckoronski—(тоже издано и по французски и по польски). Wien, 1890, приложенная Karte von Pamphylien und Pisidien Г. Киперта—наибольшая и наилучшая для этой части Малой Азіи.

⁴⁾ Vital Cuinet. La Turquie d'Asie, géographie administrative, statistique descriptive et raisonnée de chaque province de l'Asie Mineure. Tome I, p. 84°.

Касаба, «Крылі» по выговору казаковъ, стоящей среди садовъ и виноградниковъ, на равнинѣ, къ востоку отъ Бейшепрскаго озера. Быль праздникъ Введенія, и поэтому почти всѣ греки поѣхали проводить консула до берега озера. Въ этой большой деревнѣ въ нѣсколькихъ домахъ живутъ до тридцати грековъ изъ Сілле, большой греческой деревни близь Коніи, держа въ рукахъ, путемъ торговли и финансовой эксплоатациі, турокъ-землемѣльцевъ; одни живутъ тутъ постоянно, другіе пріѣзжаютъ лишь осенью, когда подходитъ пора расчета зерновымъ хлѣбомъ. Проѣзжая по Малой Азіи осенью, я почти въ каждой деревнѣ встрѣчала такихъ греческихъ, рѣже армянскихъ, купцовъ или, какъ вѣрнѣе зовутъ ихъ, «сарафовъ» (мѣняль, банкировъ), эксплоатирующихъ мусульманское населеніе. Дорога шла по наклонной слегка къ озеру равнинѣ, всюду распаханной; по теченію ручьевъ, сѣгающихъ съ горъ,—которые мы перевалили по глубокому снѣгу на пути изъ равнинны Коніи въ равнину Бейшепира,—насажены фруктовые сады и виноградники. На равнинѣ этой красноватая, глинистая земля пашень не была еще покрыта снѣгомъ, который покрывалъ горы, постепенно рѣдѣя по ихъ скатамъ къ равнинѣ. Минутъ черезъ сорокъ подѣхали мы къ турецкой деревнѣ Толча, стоящей на самомъ берегу озера. Огромная лужа преграждала дорогу. Съ одной стороны обширное кладбище: тутъ лежать и торчать изъ земли, побольшей части наклонно, камни самого разнообразнаго вида и происхожденія, тутъ и камни отъ античныхъ зданій, и украшенные крестами столбы изъ христианскихъ церквей, и длинные камни, выломанные изъ скаль и оставленные вовсе необдѣланными, и, наконецъ, но всего рѣже, столбики съ чалмами на верху и арабскими письменами по бокамъ. Подальше на холмикѣ виднѣется еще кладбище, стоящее, вѣроятно, на мѣстѣ древняго поселенія.

По другую сторону сама деревня. Двухъэтажные дома сложены изъ сырца, небольшія ихъ окна задѣланы частыми деревянными рѣшетками, плоскія земляные крыши подперты на галлереяхъ деревянными столбами и кажутся тождественными съ древними постройками, изображаемыми на рельефахъ Ликіи. По узкимъ извилистымъ улицамъ выѣхала кавалькада наша на плоскій берегъ озера. На мелкій щебень вытащено нѣсколько лодокъ съ одинаково остро свѣдѣнными кормою и носомъ. Лодки эти дѣланы казаками и куплены турками у нихъ, такъ какъ сами турки дѣлаютъ лишь большія тяжелыя лодки, въ которыхъ возятъ лѣсъ и дрова съ западнаго лѣсистаго берега озера. Казаки называютъ свои легкія лодки «лодочками». Петровичъ сторговалъ уже двухъ гребцовъ, старыхъ турокъ, весьма похожихъ одинъ на другого: оба безъ переднихъ зубовъ, оба въ чалмахъ хаджей, оба въ рваныхъ курткахъ, халатахъ и шароварахъ, оба въ шерстяныхъ чулкахъ, вязанныхъ разноцвѣтными

узорами, но на ногахъ у одного кожаныя туфли, а у другаго просто куски кожи, сшитые вверху на подъемѣ и на щиколдѣ ремешкомъ, продѣтымъ въ отверстія по краямъ куска этого. Турки сѣли за весла, Петровичъ правиль и подгребалъ кормовымъ весломъ и лодка быстро понеслась на НОО, гдѣ виднѣлся широкій островъ Мада, образованный двумя лѣсистыми горами, связанными низкимъ перешейкомъ. Петровичъ держалъ на сѣверный конецъ острова.

Погода была ясная и теплая, но горизонтъ облегали тучи, лежавшія на покрытыхъ снѣгомъ горахъ по краямъ обширной равнины. Озеро, которое турки и греки называютъ даже иной разъ моремъ, развертывалось во всю длину и ширину ¹⁾.

Съ сѣвера къ берегу озера подходятъ двѣ горы, между которыми лежить деревня Фѣля, гдѣ будуть ждать наѣтъ повозкой ямщики и заптіе; горы эти—послѣдніе отроги огромнаго Султанъ-Дага, который поднимается къ С.-В. отъ равнины; отъ него же къ югу тянутся горы по восточному краю равнины Кирили, черезъ которыхъ мы перевалили изъ Коніи и черезъ которыхъ греки изъ Кирилиѣздать домой въ Силле прямою дорогой въ полтора дня, а если лошадь хороша, то и въ одинъ день. На плоскомъ восточномъ берегу озера, кромѣ Толчи, видны близъ воды еще нѣсколько деревень. На югъ озеро уходитъ къ Бейшеру, до котораго отъ Мады надо плыть часовъ шесть.

Тамъ теперь края озера не видно: вершины горъ скрыты тучами, а надъ озеромъ и равниной плывутъ бѣлныя облака, и ярко свѣтить между ними солнце, совсѣмъ не соответствуююю ноябрю мѣсяцу. Къ намъ ближе всѣхъ сѣверо-восточный берегъ озера. Тутъ на склонѣ прибрежныхъ холмовъ въ лощинѣ чернѣются пять-шесть шатровъ кочевниковъ юрюковъ, спустившихся въ равнину на зимовку. Влѣво южнѣе Толчи не далеко отъ плоскаго восточнаго берега поднимается небольшой островокъ, именуемый по ближней деревнѣ Будакъ-кѣй-адасѣ: на плоскомъ островкѣ, поросшемъ мѣстами тополями, поднимается широкая и высокая насыпь, не похожая на курганъ. Петровичъ соображаетъ, что, по словамъ турокъ, лѣтъ шестьсотъ тому назадъ, когда озера будто-бы еще не было, въ этомъ мѣстѣ образовалась «пучина», откуда вышла вода, затопившая часть равнины; она потопила бы и всю равнину сплошь, пожалуй и весь міръ, если бы пучины не заткнули ваткой и не насыпали сверху этого холма.

Прямо передъ нами за невысокими горами Мады поднимаются высокія

¹⁾ О Бейшерскомъ озерѣ, кромѣ вышеуказанныхъ картъ, см. Вронченко, Обозрѣніе Малой Азіи, I, стр. 98 и слѣд., Ritter, Erdkunde von Asien, IX, II, стр. 457—459; Rec-clus, Nouvelle Géographie universelle, IX, стр. 518—520.

«коренные» (т. е. материковые) горы западного берега озера: вершины их ушли въ тучи, узкая полоска облаковъ перерѣзаетъ пополамъ видимую часть. Эти горы Петровичъ называетъ Паннуріазъ-дагъ, но такого имени на картахъ не значится.

Лѣвѣе, подъ западнымъ берегомъ и ида отъ него къ срединѣ озера, видны крутые лѣсистые острова, которыхъ тоже полностью не нарисовано ни на одной карте; ихъ называютъ Кара-ада (черный островъ), Кирили-адасъ, лежащій противъ этого селенія, Миль-адасъ, что значитъ будто бы илистый островъ, хотя онъ въ дѣйствительности каменистый; крайнимъ къ югу виднѣется небольшой островокъ, на которомъ изъ самой воды поднимаются стѣны и полуразвалившіяся башни древней крѣпости. Тамъ, по словамъ казаковъ, бывавшихъ на островѣ этомъ по пути въ Бейшепиръ—до острова отъ Мады часа три ходу—есть и развалившіяся церкви, и камни съ надписями; греки въ Кирили ничего объ островѣ этомъ сказать не могли, они тамъ не бывали, какъ не могли попасть туда по отсутствію лодокъ и иные путешественники¹⁾). Еще лѣвѣй, въ юго-западномъ углу озера, за передними цѣпями холмовъ поднимается, появляясь иногда конической вершиной между облаками, огромный Анамазъ - Дагъ. Съ юга подуваетъ «моряна», разводя волненіе, на озерѣ кричатъ дикие гуси. На сѣверномъ берегу, черезъ часъ съ четвертью ходу отъ Толчи, открылась между горами деревня Феля. Мада все приближалась, у южнаго мыса ея показался небольшой плоскій островокъ «ослиный» — Ишѣкъ - адасъ. На обѣихъ горахъ Мады и въ ложбинѣ между ними ничего кромѣ лѣса, да торчащихъ мѣстами между деревьями сѣрыхъ скалъ, съ этой стороны не видно. Только черезъ два часа съ лишнимъ (2 ч. 12 м.) по выѣздѣ изъ Толчи достигли мы сѣвернаго мыса, «рынка», какъ говорятъ казаки, острова Мады. Солнце склонялось уже къ закату, лучи его, проходя надъ вершинами горъ западнаго берега между сѣрыми тучами, окрашивали прѣѣдами радуги легкія бѣлыя облачка, пролетавшія передъ круто поднявшимися надъ озеромъ скатами горъ этихъ. Мысъ, который мы огибали,— голая сѣрая скала, наклонно уходящая въ воду; повыше, куда не хватаютъ волны, по склону ея, на тонкомъ слоѣ красноватой земли ростутъ невысокія сосны. Далѣе къ С.-З. открылся другой подобный же пустынныій мысъ. Хотя вѣтеръ за мысомъ и прекратился, но волненіе, отражаясь отъ берега, усилилось: мы вѣхали въ «толчѣкъ», по опредѣленію Петровича. Наши турки, когда находила волна побольше, говорили: «онбашій гелды»—«десятникъ пришелъ». Лѣсистая гора Мады, какъ и прежде, пустынна, только кружашеся

¹⁾ См. Ritter, I. c., стр. 455.

надъ ней три орла указываютъ на близость жилья. Сосновый лѣсъ спускается до самой почты воды; по скату горы между деревьями спускаются къ водѣ, какъ бы тропинки, по которымъ стаскиваютъ къ лодкамъ деревья, когда рубятъ лѣсъ.

На песчаный берегъ въ выгибѣ между этими мысами приходитъ на водопой скотина, а весною въ апрѣль и маѣ здѣсь «бѣется о песокъ бѣлая рыба», проходящая метать икру, какъ сообщаетъ рыболовъ Петровичъ. Минутъ черезъ двадцать обогнули мы и слѣдующій, самый сѣверный мысъ острова; на немъ на скалѣ есть, по словамъ Петровича, изображеніе какъ бы распятаго человѣка, повернутаго спиной наружу, котораго казаки зовутъ почему-то «Мануломъ». Это сообщеніе наводить меня на археологическія фантазіи: поза напоминаетъ мнѣ рельефы знаменитаго памятника на восточномъ берегу озера, т. н. «Источника Платона», — «Эфлатунъ-Бунаръ», и я лѣщусь увидать новый, неизвѣстный еще «хеттейскій» рельефъ, но мы подъѣзжаемъ ближе къ скалѣ, Петровичъ указываетъ «Манула» и становится очевиднымъ, что это просто игра природы!

Открывается новый мысъ, на этотъ разъ уже отлогій и низкій. Въ озерѣ вокругъ его ростуть камыши, а среди нихъ близъ «рыночка» стоять столбомъ камень, который турки зовутъ «дикили-ташъ» — «стоящій камень», а казаки «человѣкъ-камень», хотя особаго сходства съ человѣкомъ въ немъ и не видно. Между рѣдкимъ желтымъ камышемъ огибаемъ мы этотъ мысъ и къ югу уже открывается проливъ между островомъ и западнымъ берегомъ озера. Между крутыми скатами «коренныхъ» горъ и озеромъ узкая, покатая прибрежная полоса образуетъ противъ острова небольшой мысъ, близко къ нему подходящій. На мысу этомъ стоитъ одинокій домъ. Перевозъ держать казаки, и желающій попасть съ берега на островъ кличетъ ихъ черезъ проливъ. На островѣ деревни все еще не видно: ее заслоняетъ еще одинъ невысокій мысъ съ возвышающимся на концѣ скалистымъ холмикомъ, но изъ-за отлогаго склона мыса видны уже вершины деревьевъ и нѣсколько крытыхъ камышемъ крышъ. Слѣва отъ насъ берегъ Мады отлого поднимается къ вершинѣ горы, гдѣ лѣсъ на обширное пространство выгорѣлъ нынѣшнимъ лѣтомъ: пожаръ начался отъ костра, разложенаго пастушками — «хлопцами», но дальнѣйшее его распространеніе удалось казакамъ остановить: «всѣмъ міромъ бѣгали да вѣтками избивали». На берегу у самого озера видны развалившіяся каменные стѣнки какихъ-то оградъ, бывшія здѣсь еще до прихода казаковъ. Изъ-за камней мыса начинаетъ выступать плоскій «рыночекъ» съ жердями для просушки сѣтей, а за нимъ вдоль самого берега озера и по отлогому склону явились

бѣлые хаты съ камышевыми крышами, изгороди изъ плетня и традиціонныя вербы русской деревни.

Въ проливѣ къ югу открылся маленький плоскій островокъ съ какимъ-то древнимъ зданіемъ по срединѣ и нѣсколькими деревьями по краю; зданіе это турки считаютъ церковью, а потому и островокъ зовутъ «Клисѣ-адасѣ». Въ проливѣ, очевидно мелкомъ, растутъ мѣстами камыши; изъ нихъ вылезаетъ стая дикихъ утокъ.

Обогнувъ послѣдній «рыночекъ», лодка наша направляется къ берегу, гдѣ лежать на пескѣ нѣсколько «лодочекъ». Передъ хатами по берегу бродить нѣсколько бабъ и ребятъ. Тутъ, завидѣвъ нашу лодку, появляется жена Петровича съ сыномъ-«хлопцемъ», воротъ бешмета котораго обшить русскими серебряными монетами XVII вѣка. Является и трое казаковъ въ короткихъ шубахъ съ мѣховой опушкой, крытыхъ малиновымъ и краснымъ сукномъ, въ цвѣтныхъ же шараварахъ. На головахъ у двухъ изъ нихъ высокія черныя барашковыя шапки—это атаманъ и два дьяка, все мужское населеніе деревни въ это время: всѣ прочіе взрослые казаки и парни—на рыбной ловлѣ. Еще двое тяжело больныхъ лежать въ хатахъ.

Послѣ трехъ-часового пути, ровно въ 12 часовъ по турецки, т. е. на закатѣ солнца, вытаскиваютъ лодку нашу на отлогій берегъ, и мы выходимъ, будучи, по увѣренію казаковъ, первыми русскими, посѣтившими ихъ деревню за все время ея существованія.

Насъ повели въ одну изъ хатъ (см. рис. 1), стоящую на углу одной изъ четырехъ или пяти улицъ, идущихъ отъ берега вверхъ по склону.

Хата сдѣлана, какъ малорусскія мазанки, изъ двойнаго плетня, обмазанаго глиной; спаружи вся она чисто вымазана бѣлою глиной, а нижняя часть такою же обмазкою, но чернаго цвѣта. Толстая камышевая крыша сильно выдается сбоку, а спереди надъ двумя квадратными окнами, выходящими на улицу, устроенъ особый навѣсъ изъ тростниковой крыши, подпertenый однимъ столбомъ. Двѣ жерди, въ родѣ перилъ, мѣшаются заходить скотинѣ на образующуюся подъ навѣсомъ этими площадку, также чисто вымазанную черной глиной, какъ и нижня части стѣнъ. Цѣль этого навѣса, какъ и выступа крыши, очевидно, предохранить глиняныя стѣны хаты отъ разрушительного дѣйствія дождя.

Вдоль улицы отъ хаты идетъ изгородь усадьбы. Эта изгородь сдѣлана изъ стеблей тростника, поставленныхъ въ земляное, обмазанное глиной, основаніе, на разстояніи 2—3 пальцевъ одинъ отъ другаго и связанныхъ вверху при помощи стеблей, положенныхъ горизонтально. Эти легкія и изящныя изгороди казаки называютъ «лясами» и поясняютъ, что онѣ плетутся, какъ «кады на рыбу».

Надъ деревянной валикою въ этой изгороди близъ хаты приколоченъ четвероугольный кусокъ красной матеріи съ позументной каймой, а посреди его мѣдный восьмиконечный крестъ. Дворикъ, куда вошли мы, весь чисто вымазанъ помянутымъ чернымъ глинянымъ цементомъ. Справа «лясы» отгораживаются садъ и огородъ, а слѣва низко спускается камышевая крыша и, опираясь концами стропиль на нѣсколько рѣзныхъ столбиковъ, образуетъ вдоль стѣны хаты довольно широкое пространство, въ родѣ галлереи, называемое «повѣточнымъ навѣсомъ».

Столбики ярко раскрашены красной и синей масляной краской, а между ними связанныя изъ стеблей тростника циновки отгораживаетъ все это пространство, чисто вымазанное черною глиной по полу. Черезъ него подходимъ къ двери. Направо подъ тѣмъ же навѣсомъ полъ нѣсколько поднять: здѣсь спать въ теплое время. Низенькая дверь, досчатая, съ выпуклыми рамами, раскрашена синей и красной краскою; надъ нею опять крестъ на платѣ. Дверь эта ведетъ въ «сѣнцы»: «самое у насъ украшеніе—сѣнцы», говорятъ казаки, и точно—обширная низкая комната въ лѣвой отъ входа стѣнѣ имѣть дверь, опять, конечно, съ крестомъ надъ нею, въ самую хату, а стѣна противъ входной двери во всю ширину занята полками: на нихъ посрединѣ вверху стоять иконы, висять на цвѣтныхъ платахъ мѣдные кресты и складни. Полки обиты цвѣтными кусками матеріи, съ нашивными на нихъ позументами и блестками, висять и шитыя полотенца. На полкахъ до самого полу разставлена на показъ всякая утварь: чашки, кувшины, тарелки и блюда.

По стѣнамъ разставлены сундуки, лежать одѣяла и подушки. На стѣнѣ близъ двери, ведущей въ хату, бросился мнѣ въ глаза листъ бумаги съ нарисованными какимъ-то мѣстнымъ художникомъ красками фигурами: въ верхнемъ ряду сидѣть два черноусыхъ турка, увѣшанныхъ оружиемъ; при одномъ стоить турчанка; въ нижнемъ—тѣ же два турка, юдущихъ верхомъ; надписи, уставомъ: османъ 8ланъ и дергли чаушъ объясняетъ, кто изображенъ тутъ—это недавно прославившіеся разбойники: одинъ,—родомъ изъ ближней деревни Кюсюкъ, представленный здѣсь со своею невѣстой, которой онъ подарилъ якобы фесь, украшенный двумя стами лиръ,—убить нѣсколько лѣтъ тому назадъ у Аксара, а другой, убившій недавно богатаго грека, сидѣть въ тюрьмѣ въ Коні.

А рядомъ съ этимъ произведеніемъ какого-то казака, нарисованнымъ во время досуга на Акшайскомъ озерѣ, приклеены, Богъ вѣсть какъ сюда зашедшіе, два листка съ рисунками изъ книги Шолеваго: «Русская Исторія въ памятникахъ быта». Низкою дверью вошли мы въ самую хату. Полъ ея, какъ и «сѣнецъ», чисто вымазанъ чернымъ, а стѣны и потолокъ

бѣлымъ глинянымъ цементомъ; судя по паралельнымъ углубленнымъ полосамъ этой обмазки, мазано руками.

Цементъ состоитъ изъ глины съ пескомъ и рубленной соломой. Бѣлую глину берутъ на мысъ Ак-Бурунъ на Бейшерскомъ озерѣ близъ Бейшеира. Снаружи дома мажутъ, конечно бабы, разъ или два въ годъ, внутри же и особенно полы чаше: черезъ недѣлю или двѣ. Узкая балка потолка гладко выструганы и вместо краски промазаны маковыми масломъ. Направо, въ углу, значительную часть всей хаты занимаетъ большая печь, столь же чисто, какъ и стѣны, смазанная бѣлой глиною; она подобнаго же устройства, какъ и обычные русскія печи. Но отверстіе самой печи очень мало, оно заставлено деревянной заслонкой, а надъ нимъ предусмотрительно намазана широкая полоса черной глиною тамъ, где дымъ идетъ въ трубу; колпакъ подъ трубою значительно выдается впередъ: гораздо дальше чѣмъ подъ, не огороженный стѣнками спереди и съ боковъ, а оставленный совершенно открытымъ; въ углу его, примыкая къ стѣнѣ, помѣщена маленькая чисто выбѣленная печурка съ полуокруглымъ отверстиемъ въ узкой сторонѣ и круглой дырою сверху; судя по чистотѣ, печурка эта практическаго употребленія не имѣть: назначеніе ее было, говорить, прежде служить помѣщеніемъ выгребаемыхъ изъ печи углей, но теперь ихъ кладутъ въ корчаги. Противъ печи, подходя краемъ подъ дымовой колпакъ, въ углу находится широкій деревянный помостъ на высотѣ лавокъ, служацій постелью. Лавки идутъ, примыкая къ помосту этому вдоль двухъ стѣнъ, образующихъ передній уголъ, заставленный образами въ большомъ киотѣ. Лавки и постель покрыты коврами и одѣялами. Въ лицовой стѣнѣ хаты два небольшихъ квадратныхъ окна, въ которыхъ наглухо вмазаны стекла; третье небольшое, открывающееся, оконце въ боковой стѣнѣ выходитъ въ «повѣточный навѣсъ».

Въ углу, соединяясь съ дверью, полъ, вымазанный черной глиной, образуетъ небольшое возвышеніе, на которомъ стоитъ столъ; такія же возвышенія идутъ и подъ лавками. Въ хатахъ и свѣтло и тепло и сухо, но ради тепла ихъ дѣлаютъ небольшими—всѣ одной почти величины—и довольно низкими. Казачьимъ хатамъ завидуютъ соуди турки и греки. И дѣйствительно послѣ пыльныхъ, грязныхъ и холодныхъ домовъ турецкихъ деревень, ясны были преимущества этихъ хатъ.

Подъ тою же двускатною крышей за стѣнами находится «сарайчикъ». Передъ нимъ въ усадьбѣ «огордка» для куръ и гусей; тутъ же стоитъ и лѣтняя печка въ видѣ очага. Въ саду, где между фруктовыми деревьями накопаны гряды, устроено на жердяхъ помостъ, где спать лѣтомъ; а на перевернутой вверхъ ногами древней капители, изъ церкви, судя по кресту на

ней, стоитъ кувшинъ съ водою для умыванья. Въ верхнемъ концѣ усадьбы плетневый сарай подъ камышевой крышей, наполненный сухой осокой.

Междуду тѣмъ темнѣло, и наши гребцы турки долго ходили по деревнѣ, пока нашли, кто согласился ихъ принять на ночь, такъ какъѣхать обратно въ Толчу было уже поздно.

Насъ начали угождать, поставили столъ, накрыли его чистымъ бѣлымъ платкомъ, на которой уставомъ написано имя хозяйки: Ахни макѣвой платокъ. Хозяйка, высокая баба лѣтъ подъ сорокъ, склонившая уже трехъ мужей, съ широкимъ складастымъ лицемъ, толсто обернутымъ платкомъ—одѣта поверхъ длинной, до колѣнъ, ситцевой стеганной на ватѣ кофты съ рукавами до локтей, въ короткую безрукавную баранью шубку, въ родѣ кацовейки, «полушубокъ», и передникъ; длинные, расширяющіеся къ низу, ситцевые рукава, выходящіе изъ подъ короткихъ рукавовъ кофты, во время работы приходится иллѣ связывать около кисти, или завертывать на плечахъ. На ногахъ большія «кундры» (турецкіе туфли—«кундуру»).

Появилось угожденіе: красная икра съ лукомъ, изъ рыбы въ родѣ сазана, называемой казаками «коробъ», какая-то рыба, квашенная капуста, пшеничный хлѣбъ—и въ большомъ глиняномъ кувшинѣ вино, до которого казаки, повидимому, охотники.

Долго сидѣли мы за угожденіемъ: трое нашихъ хозяевъ бесѣдовали на разныя темы. Атаманъ Семенъ Адріановичъ, крѣпкій старикъ, вотъ уже двадцать лѣтъ избираемый на эту должность, ходить въ синихъ шараварахъ и красной шубѣ, быть можетъ, однако, лишь по случаю праздника; шапки на головѣ не носитъ: нѣтъ-де хорошей. Въ разговорѣ нерѣдко упоминаетъ плети и глаголь дратъ, но при теперешнемъ положеніи казаковъ это повидимому лишь слова, оставшіяся отъ прежнихъ временъ. Вслѣдъ за нимъ пришелъ и сынишка его, усѣвшійся въ углу и сперва съ любопытствомъ на насъ смотрѣвшій, а потомъ уснувшій.

Дѣякъ Сергій Романовичъ служить въ большой церкви и повидимому имѣть вліянія болѣе атамана; это темнорусый, высокій казакъ лѣтъ за сорокъ, кривъ на одинъ глазъ, человѣкъ разумный и бывалый.

Другой дѣякъ Кириллъ Агаѳоновичъ—свѣтлорусый, съ длинной бородой, попроще и имѣть менѣшій приходъ. Оба дѣяка и нашъ Петровичъ пѣли по крюкамъ, по рукописной книгѣ, троپари и кондаки въ праздники; кромѣ нихъ понимаютъ крюки и хлопцы, читающіе и поющіе вмѣстѣ съ ними въ церквяхъ.

Разговоры шли на разныя темы, весьма оживленно, и казаки относились къ намъ весьма любезно и радушно. Особенно интересовалъ ихъ вопросъ, гдѣ

найдти давно тщетно отыскиваемаго попа, который не былъ бы ни австрійскаго рукоположенія, ни єдиновѣрческій. Неразрѣшимой задачѣ этой рѣшился въ какую либо изъ двухъ сторонъ препятствуетъ, по видимому, главнымъ образомъ упорство бабъ, а быть можетъ, отчасти, и интересы дьяковъ.

Изъ тѣсной хаты выходили мы часто на улицу, дабы дать возможность покурить моему спутнику. Въ узкомъ чистомъ дворѣ передъ хатой ярко свѣтила луна на чисто вымазанный бѣлою глиною хаты и блестящія прутья тростниковыхъ изгородей. Въ холодномъ ночномъ воздухѣ была полная тишина. Глядя на всю эту обстановку русской деревни, слыша русскую рѣчь и вспоминая, что находишься далеко за предѣлами Россіи, откуда принуждены были бѣжать предки нашихъ хозяевъ, становилось горько за ихъ беспокойное прошлое и особенно за неизбѣжное, по видимому, печальное будущее. Обидно было думать, что, пожалуй и теперь, находясь здѣсь въ глубинѣ Малой Азіи, которая представляется намъ столь страшной, наши старовѣры находятся, быть можетъ, въ лучшихъ отношеніяхъ относительно приволья жизни и свободы вѣры, чѣмъ были бы они на Дону, не уведи ихъ оттуда Игнать.

II.

Казаки переселились съ Майноза на Маду тридцать лѣтъ тому назадъ, «когда во Иконіи былъ большой пожаръ», какъ опредѣляютъ они. Послѣ выселенія кавказскихъ горцевъ съ лѣваго берега Кубани въ Турцію, поселенные въ окрестностяхъ Бруссы и Майноза черкесы стали беспокоить Некрасовцевъ грабежами и разбоями, при чемъ нерѣдко доходило до стычекъ и взаимныхъ убийствъ. Тогда часть казаковъ задумала переселиться въ какое либо болѣе безопасное мѣсто.

Пользуясь по султанскому фирманду правомъ свободнаго лова рыбы на озерахъ Малой Азіи, майнозцы знали и эти южныя озера Мадой Азіи и ходили туда рыбачить, какъ хаживали и на Кизыль Ирмакъ¹⁾). Нѣкій Романъ, отецъ одного изъ дьяковъ, приходилъ два года сряду на Бейшеїрское озеро и выглядѣть безопасное для поселенія мѣсто на островахъ этого озера. Сперва турецкое правительство давало казакамъ для поселенія Миль-адасѣ, но тѣ его забраковали, какъ слишкомъ каменистый. Казаки предпочли купить Маду, гдѣ были тогда въ «чифликѣ» (садѣбѣ) турки, распахивавшіе тремя парами

¹⁾ Вотъ какъ описываетъ отправленіе ихъ на промыселъ Тексье въ 1835 году: ils possédaient— говорить онъ, (Asie Mineure, p. 139),— quelques bateaux longs qu'ils placent sur un train de quatre roues, mettent dedans leurs enfants et leurs ustensiles de pêche et vont ainsi selon la saison pêcher dans les différents lacs et coursres d'eau de la contrée.

водовъ 320 «дюдюмовъ» земли. Островъ купленъ быль, повидимому, не у этихъ обитателей его, а у казны за 300 турецкихъ золотыхъ лиръ, но уплатили казаки лишь сто, такъ какъ двѣсти султанъ имъ простиль.

На новое мѣсто двинулось съ Майноза 157 семействъ на 257 повозкахъ. Повозки были четырехъ-колесные «румелійскія», запряженныя буйволами, воловами и лошадьми; кромѣ домашняго скарба везли иные и «лодочки»; для церквей везли иконы, книги и колокола; въ качествѣ войскового клейнода майнозцы дали переселенцамъ «насѣжку Игната Некрасова», оставивъ у себя Игнатовъ щитъ, шитый для него якобы самою царицей. Гнали съ собой и скотъ бѣлой масти и везли саженцы фруктовыхъ деревьевъ.

Шли цѣлыхъ 42 дня, останавливаясь по праздникамъ и воскресеньямъ на отдыхъ. Идя черезъ Бруссу, вышли сперва къ Эгердирскому озеру, а 2-го сентября подошли наконецъ къ Бейшеидскому озеру. Но на Маду ихъ, жившіе тамъ и считавшіе островъ своимъ, турки не пустили. Но такъ какъ документовъ на владѣніе землею у нихъ не было, то двое ходоковъ, посланныхъ казаками въ Коню къ вали-пашѣ, уладили дѣло, и 6 ноября казаки вступили на свой островъ. За позднею осенью пришлось ограничиться постройкою кое-какихъ лачугъ на зиму, въ которыхъ и перезимовали довольно благополучно; но на слѣдующій годъ въ августѣ явился какой-то моръ, истребившій до 30 дворовъ. Бѣлый скотъ, приведенный съ Майноза, весь перемеръ отъ чумы, и пришлось заводить мѣстный, болѣе мелкій, черной масти. Новосельемъ многіе остались недовольны и около 30 дворовъ вернулись назадъ въ Майнозъ. Теперь вмѣсто 90 дворовъ, оставшихся, судя по вышеуказанымъ разсказамъ, на Мадѣ, осталось на лицо лишь дворовъ 30, т. е. около 150 душъ обоего пола, т. е. населеніе въ тридцать лѣтъ уменьшилось втрое! Если цифры эти вѣрны, то печальная судьба ожидаетъ казаковъ въ будущемъ. Прійдя съ Майноза со всѣмъ домашнимъ скарбомъ и построивъ на Мадѣ три церкви, изъ которыхъ теперь одна съ уменьшеніемъ населенія упразднена, казаки не привели однако съ собою священника, а найти такого, не смотря на всѣ старанія, не удалось казакамъ и цынамъ, такъ какъ они упорно держатся древляго благочестія, не желая принимать ни австрійскихъ, ни единовѣрческихъ священниковъ, хотя отдѣльныя лица и склоняются то къ тому, то къ другому выходу изъ теперешняго ненормального положенія. Прежній дѣякъ на Мадѣ перешелъ потомъ на Майнозъ и былъ, по согласію

¹⁾ Эти цифры вслѣдствіе сходства двухъ послѣднихъ знаковъ кажутся мнѣ сомнительными. Вѣрную исторію переселенія можно, разумѣется, узнать изъ архивовъ конійского вилайета.

всеселенского патріарха, рукоположенъ петербургскимъ митрополитомъ въ единовѣрческіе священники и священномѣдѣствуєтъ на Майнозѣ и по нынѣ у той части его обитателей, которые принимаютъ единовѣріе; другая половина—австрійскаго толка. Переселенцы же на Маду до сихъ поръ тщетно ищутъ истиннаго древняго священства или въ отдаленныхъ странахъ, куда народная фантазія помѣщає поселенія бѣжавшихъ старообрядцевъ, или же въ попыткахъ склонить какого либо православнаго священника, непремѣнно, конечно, русскаго, прочесть особую клятвенную молитву на всѣ ереси, въ числѣ ихъ и на никоновскую, и приступить къ исполненію таинствъ по древнему обряду. Теперь нужда въ священникѣ сознается всѣми: все молодое поколѣніе не видало совершенія літургіи и не пріобщалось, большая часть браковъ освящены лишь особыми молитвами, читаемыми дьяками въ церкви, вмѣсто совершенія таинства бракосочетанія, дѣти крещены дьяками же безъ муромазанія, хотя на Мадѣ и хранится пузырекъ мура, вывезенный будто бы еще Игнатомъ Некрасовымъ. Вотъ краткая исторія тщетнаго исканія древняго священства бѣшнейскими казаками:

Десять или одиннадцать лѣтъ тому назадъ, на основаніи слуховъ о какихъ-то древле-православныхъ христіанахъ, разумѣется русскихъ, живущихъ якобы гдѣ-то за Багдадомъ, отправлены были туда двое ходоковъ: они отправились въ Александретту, оттуда съ караваномъ добрались до Діарбекира и оттуда на плотахъ на надутыхъ мѣхахъ, о какихъ повѣствуетъ еще Геродотъ, спустились внизъ по «Вавилонъ-рѣкѣ» (конечно, по Тигру, а не по Ефрату, на которомъ действительно стоялъ Вавилонъ) до Багдада. Цѣлыхъ два мѣсяца жили они тамъ, тщетно разспрашивая тамошнихъ христіанъ, гдѣ тамъ живутъ древле-православные христіане. Не найдя ихъ, ходоки вернулись моремъ черезъ Бассору и Красное море, тщетно проѣзживъ до 80 лиръ. Семь лѣтъ тому назадъ послали двоихъ на Аеонъ: тамъ не трудно было найти русскаго іеромонаха, который согласился на выгодныя предложения казаковъ; тѣ на радостяхъ послали телеграмму въ Караагачъ, ближайшій къ Мадѣ городъ, что везутъ съ собой желаннаго попа. Но увезти его съ Аеона оказалось не такъ-то легко: прощаясь съ друзьями и расплачиваясь съ должниками, іеромонахъ выманилъ у казаковъ лиръ 8 или 10, все откладывая отъѣздъ и предъявляя новые требования, такъ что депутаты уѣхали въ бесполезности дальнѣйшихъ переговоровъ съ нимъ и вернулись на Маду съ пустыми руками.

Лѣтъ семь тому назадъ, услыхавъ отъ адлійскихъ грековъ, что въ Феникѣ, въ Ликіи, жилъ какой-то русскій попъ, отправились туда, но тотъ оказался ушедшімъ уже въ Іерусалимъ.

Слѣдующая экспедиція направилась, опять по слухамъ, въ Египетъ, — «Мысыръ», какъ на турецкій манеръ зовутъ его казаки,— и тщетно отыскивалась въ Каирѣ и окрестностяхъ истиннаго священства; посѣтила и Іерусалимъ, схоронивъ въ Яффѣ одного изъ ходоковъ; слухи влекли еще дальше: въ Абиссинію, но одинъ абиссинскій монахъ, Михаилъ, въ Іерусалимѣ, описалъ имъ всѣ труdnости пути и убѣдилъ въ невозможности осуществить эту экспедицію.

Третьаго года дьякъ Сергій Романовичъ и еще одинъ казакъ ъѣздили на Кипръ, по словамъ дьяка «смотреть лиманы», но въ сущности опять-таки, искать попа, но имъ удалось найти лишь какого-то «русскаго дьячка», вѣроятно грека, бывавшаго въ Россіи, въ Никосіи, поповъ же, конечно, не оказалось. Теперь казаки, кажется, убѣдились въ невозможности найти поповъ въ дальнихъ странахъ и на мѣсто Багдада и Абиссиніи поговариваются о Россіи, гдѣ въ Лужкахъ якобы есть древле-православные попы. А пока такой попъ не найденъ, въ обѣихъ церквяхъ службу: часы и вечерни—совершаютъ дьяки при помощи «хлопцевъ», читающихъ и поющіхъ вмѣстѣ съ ними.

Дьяки, кромѣ совершенія дозволяемыхъ Кормчею службъ, читаютъ Евангеліе и исполняютъ, насколько то имъ дозволяется церковными уставами, требы. Вся деревня раздѣляется на два прихода, «станицы», какъ говорятъ казаки. Въ болѣйшей, при церкви Николая Чудотворца, дьякомъ Сергій Романовичъ: пользуясь свѣчнымъ доходомъ, онъ получаетъ въ годъ яко бы до 150 меджидовъ, да по усердію платить за совершение требъ; въ менѣшай церкви Казанской Божіей Матери дьякомъ Кириллъ Агаѳоновичъ, онъ также пользуется свѣчнымъ доходомъ и требами, но, такъ какъ «тай станница—малая», то ему приплачиваются еще 25 меджидовъ.

Чистота и благоустройство хатъ и явное культурное превосходство обитателей Мады передъ жалкими турецкими деревнями, видѣнными нами на пути, объясняется не только обычаями, принесенными съ Дона, и высшимъ умственнымъ развитіемъ казаковъ, но и болѣею зажиточностью ихъ. Они не живутъ исключительно хлѣбопашествомъ да скотоводствомъ, какъ большинство сосѣднихъ турецкихъ деревень, и не находятся повидимому въ рукахъ греческихъ и армянскихъ купцовъ и сарафовъ. Главное занятіе ихъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ Турціи, гдѣ поселились русскіе казаки, рыболовство.

Турки, живущіе по берегамъ Бейшеирскаго озера, имъ вовсе не занимались, а теперь въ Бейшеирѣ имѣютъ лишь два небольшихъ невода и ловятъ рыбу, научившись у казаковъ, къ которымъ нанимались они въ работники.

Сами же казаки рыбачатъ не только на Бейшеирскомъ озерѣ, но и на

другихъ близъ лежащихъ прѣсноводныхъ озерахъ. На Бейшнейрскомъ озерѣ ловятъ рыбу шести сортовъ: щуку, кдробъ (сазанъ), какую-то мелкую «бѣлую рыбу» и др., большими неводомъ («мотулой»), каждое крыло котораго по 200 саженъ; неводъ этотъ столь часты «на 2½ пальца», что забираеть и мелкую рыбу, которой на одно окнѣ ($2\frac{1}{2}$ фунта) идетъ 12 штукъ. Въ южной части озера близъ города Бейшнейра построены казаками и «курѣнь», гдѣ живутъ во время рыболовства; тамъ же на мѣстѣ рыбу и солятъ и продаютъ торговцамъ, преимущественно грекамъ, которые развозятъ ее по разнымъ мѣстамъ Малой Азіи. До Бейшнейра отъ Мады надоѣхать въ лодкѣ часовъ 5—6, такъ что работающіе въ курѣнѣ казаки лишь изрѣдка на праздники прїѣзжаютъ домой. Уходящіе же на другія озера живутъ тамъ все время ловли.

Одна пятая улова берется казною, какъ подать: озера и доходъ съ нихъ находятся въ рукахъ европейской *Administration de la Dette publique de l'Empire Ottoman*.

Изъ Бейшнейрского озера по «ерику» ходять казаки и въ лежащемъ южнѣе небольшое Сейдишерское озеро (оно же Согла-гѣль), «въ Каравирентъ», какъ называются его казаки по деревнѣ на восточномъ его берегу.

На ближайшемъ къ западу большомъ Эгердирскомъ озерѣ теперь казаки рыбы не ловятъ. Прежде ходили и туда, но находять, что ловить тамъ рыбу, вслѣдствіе слишкомъ большой глубины его, неспособно, а кромѣ того яйсколько лѣтъ тому назадъ тамошніе турки стали во враждебныя къ казакамъ отношенія, такъ какъ одинъ хлопецъ застрѣлилъ изъ ружья турецкую дѣвочку, которая, подошедши къ берегу, начала ругать и дразнить гяура, пока отецъ его бесѣдовалъ съ турками въ деревнѣ.

Акшнейрское озеро (къ С.-В. отъ Бекшнейрского, за хребтомъ Султанъ-Дага) и небольшое, съвернѣе его лежащее и соединенное съ нимъ протокою Эберъ-гѣль доставляютъ казакамъ теперь главный доходъ: арендую половину Акшнейрского озера и все Эберъ-гѣль за 300 лиръ, казаки въ прошломъ году получили за семь мѣсяцевъ работы якобы по 50 лиръ на каждого изъ 29 человѣкъ, работавшихъ на Акшнейрскомъ озере. Ловя рыбу двумя огромными «мотулами» по 400 саженей каждый, который захватываетъ сразу по 10,000 «кдробовъ» (сазановъ), казаки солятъ рыбу и продаютъ на мѣстѣ, а «лодочки» свои, уходя домой, затапливаютъ въ камышахъ. Положеніе озера у желѣзной дороги, идущей къ Константинополю, дѣлаетъ сбыть рыбы особенно удобнымъ. На близъ лежащемъ и связаннымъ «ерикомъ» съ Акшнейрскимъ «Ибѣръ-гѣль»,—какъ называютъ казаки Эберъ-гѣль,—ловятъ рыбу одной та-кою же большою «мотулой».

Кромѣ постоянной ловли на этихъ озерахъ казаки ходили прежде ловить. СТАРЫЙ ВЪЛГА.

вить рыбу и на Кизылъ-Ирмакъ, а также нанимаются иногда ловить рыбу и на другія озера къ откупщикамъ ихъ; такъ нѣсколько казаковъ работали въ третьемъ году у одного армянина, арендовавшаго небольшое озеро или, какъ точнѣе называютъ его казаки, «плавни», близъ Динера, которое на картѣ Sterret'a неправильно названо Бунаръ - баши, каковое имя принадлежитъ не озеру этому, а истоку большого ручья, въ него вливающагося.

Ходили казаки и работали на рыбныхъ ловляхъ на морѣ у грековъ въ Адаліи.

Рыболовство представляетъ главное и наиболѣе доходное занятіе казаковъ; хлѣбопашествомъ занимаются далеко не всѣ, но почти вся удобная земля распахана. Отъ скотоводства конечно дохода не получаются.

Почти во всѣхъ усадьбахъ посажены фруктовыя деревья: яблони, груши, черешни, какія-то «жарддли», тутовыхъ деревья, ради ихъ ягодъ, и т. п.

Но сады эти, конечно, ничто въ сравненіи съ большими садами близкихъ турецкихъ деревень, орошамыми стекающими съ горы ручьями, и едва ли могутъ доставлять какую либо прибыль.

Пробовали держать пчелъ, но перестали: подати платить надо по $3\frac{1}{2}$ лѣва съ улья, а молодые рои улетали съ острова.

Большую часть года все мужское населеніе Мады, кромѣ дѣяковъ, атамана, да тяжело больныхъ, проводитъ на рыбной ловлѣ: въ деревнѣ остаются лишь бабы да дѣти. Мы къ сожалѣнію попали на островъ именно въ это время.

Возвращаются казаки съ работы къ Пасхѣ и тутъ начинается, конечно, веселье и гульба. Повидимому не мало пьютъ казаки въ это время: хотя своихъ виноградниковъ у нихъ и нѣть, но вина—вдоволь: прѣѣзжавшіе не задолго до настѣ на островъ турецкіе чиновники нашли 900 ока вина; виноградъ покупаютъ очень дешево у турокъ, и сами приготавляютъ вино, красное и бѣлое. Пьютъ особенно, конечно, на свадьбахъ: по счету приходится по обряду, каждому присутствующему на пирам выпить по крайней мѣрѣ 18 стакановъ, да еще когда «руку запиваютъ» по 9 стакановъ. Когда пьютъ за чье либо здоровье, то тотъ «поклонится», ставъ на колѣни и опустивъ голову до тѣхъ поръ, пока его не ударятъ по головѣ опорожненнымъ стаканомъ.

Въ это-же время пребыванія казаковъ на Мадѣ, примѣрно съ Пасхи до Воздвиженія, собирается и «кругъ» для выбора атамана и решения общественныхъ дѣлъ. Атаманъ выбирается на годъ, и теперешній атаманъ избирается уже двадцать лѣтъ. Въ настоящее время Мада входитъ въ составъ Кирильскаго мудирлыка, и поэтому тамъ разбираются въ первой инстанціи

судебных дѣла; въ числѣ судей сидѣтъ и грекъ Косма, богатый силлійскій торговецъ, держащій въ рукахъ своихъ всю округу; апеллировать на этотъ судъ можно въ аламлыкъ въ Бейшепиръ, а потомъ и въ Конію; словомъ можно легко достичнуть постепенно высшихъ степеней сложныхъ турецкихъ судебныхъ инстанцій, но насколько легко достичнуть правды, этого я не знаю. Турецкія власти въ общемъ во внутреннюю жизнь казаковъ не вмѣшиваются: подати вносятся черезъ мудира. Отъ воинской повинности казаки, какъ и всѣ христіанскіе подданные султана, свободны, платя за это по 2 меджиды въ возрастѣ съ 16 до 60 лѣтъ. Подлежать конечно и инымъ пошлиномъ, какъ то десятинѣ съ урожая, налогу со скота и т. п. Но лѣсной законъ на лѣсь на островѣ не распространяется, такъ какъ лѣсь этотъ рассматривается, какъ частная собственность. Особыхъ утѣсненій со стороны турецкихъ властей казаки повидимому, вѣроятно вслѣдствіе зажиточности ихъ, не испытываютъ. Не задолго до нашего пріѣзда нагрянула на островѣ неожиданно ревизія изъ Караагача отъ чиновниковъ «*dette publique*» вслѣдствіе рассказовъ, вызванныхъ обильнымъ потребленіемъ на Мадѣ вина, якобы тамъ имѣется до 20,000 окѣ вина, которымъ казаки торгуютъ. Но при ревизіи оказалось лишь около 900 окѣ съ лишнимъ.

Хотя нынѣ «кругъ» рѣшаеть лишь дѣла хозяйственныхъ и общественныхъ да разбираетъ мелкія судебнія дѣла, такъ какъ недовольный рѣшеніемъ его обращается въ турецкій судъ, но сохраняется еще при сборѣ его слѣдующій старый ритуалъ:

Когда нужно «становить кругъ», эсауль ходить по селенію, крича по всѣмъ четыремъ или пяти улицамъ: «Атаманы молодцы, идите на кругъ вѣстей слухать, а кто не придетъ на томъ войсковой приговорѣ (столько то) левовъ!» и объявляетъ сумму штрафа: 100 левовъ или 20 — 10, смотря по значенію вопросовъ, подлежащихъ обсужденію на кругѣ, и нуждѣ полнаго или нѣтъ сбора казаковъ.

На мѣстѣ сбора сидѣтъ атаманъ и «по боку его» старики; атаманъ спрашиваетъ эсаула: «можемъ ли мы кругъ становить», а эсауль обращается къ старикамъ: «старички божіи, время-ли кругъ становить»?

«Время, время» — отвѣчаютъ тѣ.

Тогда атаманъ встаетъ и держитъ передъ собою наклонно, уперевъ концемъ въ землю «насѣку» (т. е. жезль) Игната Некрасова, а эсауль такъ же держитъ свою меньшую насѣку такимъ образомъ, что концы ихъ стоять вмѣстѣ. Разнявъ концы насѣкъ, атаманъ говорить: «Ну, господинъ эсауль, станови кругъ». Тотъ кладетъ свою шапку и насѣку, кланяется въ землю «атаману и по всѣ на крылы», т. е. на три стороны, и, вставъ, говоритъ:

«Извольте, господа атаманы молодцы, въ кругъ становиться». Онъ говорить это, также на три стороны, кланяясь въ поясъ. А затѣмъ провозглашаетъ: «Помолчите-ста, государи атаманы молодцы, все великое войско кубанское» и излагаетъ дѣло. Ранѣе (а можетъ быть и теперь еще) существовалъ обычай «выдачи головой» виновнаго въ видѣ наказанія. Эсаулъ говорилъ: «Вотъ что, государи атаманы молодцы, присудили: этого человѣка головой отдать», снималъ поясокъ, привязывалъ его за руки виновнаго. Обиженный велъ на поясокъ этомъ виновнаго по улицѣ. Встрѣчая кого либо, онъ спрашивалъ: «Господи Иисусе Христе Сыне Божій, кому этотъ человѣкъ виновенъ?» Если встрѣчный баба или хлопецъ отвѣчалъ «не знаю», то обиженный отвѣчалъ: «мнѣ», и билъ выданнаго по лицу; встрѣченные же казаки и сами не отказывались продѣлать то же надъ виновнымъ. Пока осужденнаго водили такимъ образомъ по селенію, въ хатѣ его собирались прочие казаки и пили его вино. Теперь частныя ссоры рѣшаются или мировою, или есорящіеся идутъ въ турецкій судъ, «кругъ» же рѣшаеть, отправлять ли въ судъ виновныхъ въ какомъ либо касающемся всего мѣра проступкѣ.

Къ положенію своему казаки относятся видимо правильно: если и пошлиютъ иной разъ проклятие «Игнату», завлекшему ихъ на чужбину, то ясно сознаютъ, что этого теперь уже не поправишь.

Народность свою сохранили они вполнѣ: и языкъ, и нарядъ и теперь тѣ же, что вынесли они съ собою изъ Майноза и, вѣроятно, и съ самаго Дона. Правда какимъ-то удивительнымъ путемъ и сюда проникаютъ новшества: такъ, напр., поются, какъ говорили мнѣ, молодыми казаками тѣ-же новыя пѣсни, которыхъ и у насъ въ Россіи вытѣснили старыя. Эта мода, очевидно, проникаетъ на Майнозъ если не прямо изъ Россіи, то черезъ дунайскія поселенія, а на Маду заходитъ съ Майноза. Старыя пѣсни сохраняются, конечно, въ свадебныхъ обрядахъ и представили бы, можетъ быть, интересъ специалисту, который потрудился бы доѣхать до Мады; но, конечно,ѣхать надо тогда, когда все казаки дома—въ періодъ отъ Пасхи до Воздвиженья, а не въ мертвый сезонъ, когда мы туда попали.

Языкъ великорусскій и мое несвѣдущее въ діалектології ухо ничѣмъ особыеннымъ, кромѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ, не поражалъ: такъ одинъ сказалъ, напримѣръ, что «у солнца ухѣ слѣва, завтра морѣна (южный вѣтеръ) будетъ». Въ разговорахъ че прочно повидимому щегольнуть славянскими, вычитанными формами и выраженіями, такъ вмѣсто «если» нерѣдко говорять «апе-ли»; Коню зовутъ «Иконія-градъ» и т. п.

Но конечно за время долгаго сожительства съ турками въ языкъ проникло не мало турецкихъ словъ по большей части культурныхъ, ранѣе, вѣ-

роятно, вовсе не находившихся въ употреблениі, по отсутствію обозначаемыхъ иими предметовъ; такъ жестянку называютъ «тенекейкой» (отъ тур. тенеке—жесть), и вмѣсто боченковъ наполняютъ икрою жестянки, въ которыхъ англичане вывозятъ изъ Батума керосинъ ¹⁾).

Твердо держась старой вѣры съ ея обрядами, казаки постоянно стремятся выйти изъ затруднительного положенія жизни безъ священника вотъ уже въ теченіе тридцати лѣтъ съ самого выхода съ Майноза. Достигнутъ ли они желаемаго выхода и какъ, предполагать мы не смѣемъ, но думаемъ, что въ этомъ отношеніи не грѣшно бы прійти къ нимъ на помощь Россіи, хотя бы въ лицѣ ревнителей древляго православія, не оставляющихъ щедротами своими Майнозъ (особенно до закона 15 мая 1883 года). Но наряду съ этими, устранимыми быть можетъ, затрудненіями въ духовной области печалить казаковъ иная чисто житейскія, и, какъ представляется намъ, болѣе неустранимыя, это—явное и быстрое уменьшеніе населенія. Отрѣзанные отъ своей родины, Майноза, и не вступая въ брачныя связи съ турками, чтѣ, конечно, и невозможно по законамъ и тѣхъ и другихъ, ни съ греками, которыхъ считаются повидимому не достаточно православными, чтѣ ясно усматривается въ куреніи табаку, всѣ выселившіяся съ Майноза и уцѣлѣвшія донынѣ семьи уже перероднились, и теперь строгія правила Кормчей дѣлаютъ весьма труднымъ заключеніе новыхъ браковъ. Одинъ изъ дьяковъ, овдовѣвъ, не можетъ найти себѣ невѣсты на Мадѣ и думалъ было взять въ Майнозѣ, но женское населеніе почему-то этому воспротивилось, угрожая, что не примутъ его по возвращеніи оттуда съ женою. Теперь, когда желѣзная дорога дошла до Коніи, сношенія съ Мадой значительно облегчается, и эти затрудненія вѣроятно будутъ устраниться при имѣніи денегъ на дорогу.

Другое еще худшее зло представляютъ болѣзни. Помимо того, что, какъ у сосѣдей турокъ, врачебная помощь почти не доступна, а собственное лечение травами едва-ли можетъ приносить какую либо пользу, самое мѣсто поселенія оказалось весьма нездоровымъ. «У насъ климатъ нездоровий», говорятъ казаки, и особенно жалуются на лѣто, когда солнце сильно накаляетъ воздухъ между «коренными» горами и горами острова; жалуются и на то, что «сильно лихорадка давить», чтѣ приписываютъ водѣ озера и отъ чего особенно страдаютъ, какъ и турки сосѣднихъ деревень. И лихорадки и порча лѣтомъ воды въ озерѣ извѣстны были задолго до переселе-

¹⁾) Эти жестянки въ большомъ ходу по всему Востоку и столь излюбленны художниками фигуры женщинъ съ кувшиномъ на плечѣ, почти не попадаются: классической кувшинъ почти вытѣсненъ батумской жестянкой.

шія казаковъ¹⁾), но они или не знали этого или имѣли какія либо причины предпочтеть это озеро Эгердирскому, вода котораго гораздо лучше бейшейрской. Помимо рассказовъ о быстромъ вымираниі, и самый видъ большинства обитателей Мады, особенно дѣтей съ блѣдными болѣзнями лицами, явно свидѣтельствуетъ о справедливости жалобъ этихъ. Не знаю, на сколько справедливо мнѣніе, что если перенести деревню нѣсколько выше, то вредное влияніе близости озера уменьшится, но древнее селеніе дѣйствительно лежало выше казачьей деревни и при этомъ у ключа. Быть можетъ, однако, и помимо лихорадочности мѣста, есть какія либо иные причины вымирания казаковъ. Но ребятъ видно не мало, и иные смотрять совсѣмъ здоровыми; и атаманъ и дѣяки тоже больными не кажутся. Однако обширный пустырь повыше деревни, гдѣ до самыхъ кустовъ лѣсной опушки стояли нѣкогда хаты то ушедшихъ обратно въ Майнозъ, то вымершихъ семействъ, невольно напоминаетъ и черкесскія поселенія въ разныхъ мѣстахъ Малой Азіи, гдѣ жители также жалуются на климатъ, и кладбища ростутъ гораздо быстрѣе ауловъ: что это, климатъ или злой рокъ препятствуетъ утвержденію въ Малой Азіи новыхъ болѣе культурныхъ, чѣмъ турки и юрюки, поселенцевъ?

III.

На другой день на лодкѣ поѣхали мы на лежапій между Мадой и берегомъ озера, «коренною горой», островокъ Клисѣ-адасѣ (см. рис. 3). Лодка быстро шла на встрѣчу большими волнами, накатывавшимися съ юга, откуда дула «моряна», и плоскій островокъ, обросшій кругомъ камышемъ въ водѣ и кустами и ивами по берегу, быстро приближался. За нимъ поднимались за узкою плоской береговой полосою крутыя каменистые и лѣсистые горы. Тамъ, по словамъ казаковъ, и лѣсъ хороший, есть ели и сосны въ пять - шесть охватовъ.

На вершинахъ водятся дикия козы, изъ лѣсовъ по ущельямъ спускаются къ озеру на водопой кабаны, которыхъ зимой и лѣтомъ казаки стрѣляютъ, подѣлжая на лодкахъ.

Пристили къ островку между камышами и тростникомъ. Берегъ весь изъ набросанныхъ камней, многіе изъ нихъ — архитектурные обломки отъ древнихъ зданій; весь островокъ распаханъ казакомъ, купившимъ его у міра за 30 лиръ. Посреди острова стоитъ древнее полуразрушенное зданіе, давшее имя

¹⁾ См. Ritter'a, I. c. стр. 759. Ланцкоронскій неправильно, кажется, называетъ воду озера «salzhaltig».

острову. Это четыреугольное строение, внутри которого одна большая комната, крытая коробовым сводомъ; изъ нея идетъ дверь въ небольшую квадратную пристройку съ одного бока, въ родѣ башни; стѣны сложены изъ дикаго камня на цементѣ, въ нихъ вложены мѣстами и тесаные камни отъ зданій болѣе древнихъ. Очевидно, что это не церковь, а скорѣе какое либо укрѣпленіе и крѣпкое жилье; правъ былъ Hirschfeld, высказывая сомнѣніе въ томъ, что это церковь (см. выше).

Съ острова видна Мада во всю ширину западнаго ея берега: на двухъ горахъ, образующихъ островъ, ростеть лѣсъ, теперь правда уже мелкій: сосна, дубъ, «шурнаръ», «гардычъ»; между деревьями выдаются мѣстами по склонамъ горъ скалы, особенно около вершинъ. Въ лѣсу живутъ изъ дикихъ животныхъ лишь лисы, зайцы, да «синѣры» (куницы). Скотъ пасется въ лѣсу то съ хлопицами пастушками, то вольно, и иная скотина приходитъ домой, лишь когда выпадетъ снѣгъ; сѣна казаки не косятъ, такъ какъ луговъ нѣть, но на зиму припасаютъ сухую осоку и листья тростника. Прежде держали много козъ, но теперь перевели, такъ какъ ихъ крали и турки, подъѣзжая на лодкахъ къ пустынному берегу, гдѣ пасется скотъ, и орлы таскали заблудившихся въ лѣсу, да и подать надо платить по три съ половиной піастра, «лѣва», съ головы, а прибыли никакой. Доходнѣе лѣсъ, онъ выручилъ во время голода, бывшаго два-три года тому назадъ: тогда за лодочку лѣса давали 10—12 окѣ хлѣба. Теперь однако казаки чувствуютъ уже вредъ усиленной вырубки лѣса на своемъ островѣ, на который, каю на частную собственность, турецкіе лѣсные законы не распространяются, и положили уже запретъ рубить дубки, такъ какъ листья ихъ служатъ зимой кормомъ скотинѣ. Обѣ горы довольно отлоги, сѣверная выше и больше южной, къ подошвѣ ихъ лѣсъ исчезаетъ; на сѣверо-западномъ мысу стоитъ деревня—хаты и тощія, теперь голыя, вербы вырисовываются на далекихъ горахъ сѣвернаго берега озера. Теперь деревня отъ озера доходитъ лишь до двухъ церквей, раньше поднималась она по склону гораздо выше до самыхъ кустовъ лѣсной опушки. Вправо отъ деревни по отлогому склону низкаго перешейка, соединяющаго обѣ горы,— пашни: теперь пашутъ лишь шестеро казаковъ, прочие хлѣбъ покупаютъ, но пашущимъ и себѣ хватаетъ, и десятину отдаютъ казнѣ, и на продажу остается. На склонѣ южной горы въ ложбинѣ перешейка стоять высокіе пирамидальные тополи, показывающіе мѣсто прежняго турецкаго жилья. Передъ низкимъ южнымъ мысомъ острова виденъ плоскій островокъ Ишакъ-адаси, гдѣ также раньше пахали, потомъ перевозили туда пастись козъ, а теперь козъ перевели.

Есть еще одинъ островокъ Хоматъ-адаси близъ берега въ сѣверо-запад-

номъ заливъ озера; этотъ островокъ купили двое казаковъ за 1400 «лѣбовъ» и пашутъ тамъ, но въ этомъ году проливъ между нимъ и берегомъ пересохъ, пришли кабаны и попортили весь посѣвъ.

Островъ представляется большимъ, въ длину версты $1\frac{1}{2}$ —2; обойти его, говорятъ, нужно времени около 2—3 часовъ.

Снова сѣли въ лодку и отчалили отъ Клисе-адаси, покрывающагося ярко зеленою озимью, и по волнамъ, набѣгающимъ въ проливъ съ юга, поѣхали въ деревню, куда черезъ проливъ отъ берега шла еще лодка, въ которой казачка или хлопецъ перевозили какихъ то двухъ турокъ: это оказались торговцы съ краснымъ товаромъ, которые разложили его на треугольной площадкѣ подъ переднимъ навѣсомъ прибрежной хаты и тотчасъ-же привлекли женское населеніе деревни, но торговля шла по видимому довольно тихо.

Изъ деревни пошли по берегу озера на мѣсто древняго поселенія, гдѣ, по словамъ казаковъ, есть камень, обдѣланный въ видѣ орла.

Пройдя по берегу, на которомъ лежать вытащенные изъ воды «лодочки» и куда выходить всѣ прямые улицы деревни, 4 или 5 числомъ, идущія въ гору перпендикулярно берегу, мы вышли къ вспаханному полю. Пашутъ казаки, какъ и окрестные турки, примитивнымъ плугомъ въ видѣ изогнутаго крюкомъ дерева, такимъ самыемъ, какіе изображаются на древнихъ греческихъ и римскихъ памятникахъ. Двухколесныя арбы для быковъ и буйволовъ, которыя стоять, подобно пушечнымъ лафетамъ, мѣстами на улицахъ и усадьбахъ, также ничѣмъ отъ турецкихъ не отличаются. Какъ и у окрестныхъ турокъ, вѣтряныхъ мельницъ у казаковъ нѣть, а молотъ зерно возятъ на мельницы кирильскаго грека, стоящія вдоль ручья за деревней Фелей.

Пройдя вдоль берега мимо самой низкой части острова, казаки показали мнѣ среди пашни на скатѣ южной горы бѣлый камень, который они зовутъ орломъ.

Такъ какъ орелъ этотъ смотритъ къ берегу, то въ томъ мѣстѣ берега, куда приходится предполагаемый взглядъ его, искали повидимому кладъ.

Въ неглубокой ямѣ почти у самой воды виденъ уголъ какой-то стѣны, сложенной изъ большихъ камней—остатки какой-то древней постройки. Да и по всему берегу въ этомъ мѣстѣ видны остатки древнихъ стѣнокъ, изъ которыхъ иныя уходятъ въ воду, быть можетъ остатки пристани.

По липкой, размокшей отъ дождей землѣ пашни подошли мы къ «орлу», стоящему не далеко отъ первыхъ деревьевъ лѣсной опушки, но и тутъ—археологическое разочарованіе: не смотря на нѣкоторое сходство съ орломъ, которое можно усмотреть при желаніи, камень этотъ никакихъ слѣдовъ искусств-

ственной отдали не носить. Но казаки упорно стояли на своемъ и никакъ не допускали, чтобы такой камень не имѣлъ какого либо скрытаго значенія и цѣли.

Отсюда повернули обратно къ деревнѣ, идя по склону южной горы, къ тополямъ, указывающимъ мѣсто прежняго жилья.

На южномъ скатѣ ложбины между горами, среди кустовъ, видны довольно обширныя развалины селенія: среди кучъ камня можно различить еще квадраты домовъ; улицъ конечно увидать нельзя, такъ какъ ихъ конечно и не было прямыхъ никогда. Нижнимъ краемъ развалины подходятъ къ группѣ громадныхъ тополей; здѣсь въ небольшой ложбинкѣ выходитъ ключъ, не высыхающій и лѣтомъ, но казаки имъ не пользуются: и ходить къ нему далеко, и вода, говорятъ, тяжелая... Но въ древности повидимому ключемъ этимъ не только пользовались, но даже почитали его святымъ ($\alpha\gamma\iota\alpha\sigma\mu\alpha$), такъ какъ надъ нимъ ясно различается основаніе небольшой церковки, такъ что источникъ вытекаетъ прямо изъ нея.

Видны къ Ю.-В. отъ ключа нижня части и другой церкви побольше, ясно видно полукружіе алтаря; по сторонамъ его небольшія ниши въ восточной стѣнѣ замѣняютъ боковыя полукружія большихъ церквей; внутри четырехугольного пространства по два пилasters на каждой стѣнѣ, спереди былъ притворъ: эта церковь очень маленькая и подобна множеству церковокъ, то разрушенныхъ, то стоящихъ еще въ греческихъ селеніяхъ.

Очевидно, что селеніе, развалины котораго сохраняются и сохранятся вѣроятно еще долго,—такъ какъ казаки, строя мазанки, въ камнѣ не нуждаются,—было еще христіанское.

На южномъ скатѣ съверной горы въ лѣску можжевельника по большей части старое «могилище», куда привели меня мои спутники, такъ какъ тамъ есть писанные камни.

Это кладбище, подобное множеству иныхъ видѣній на всѣхъ путяхъ по Малой Азіи: могилы обозначены или двумя камнями, поставленными вертикально по концамъ могилы, или обложены камнями вокругъ въ видѣ оваловъ или круговъ или же четырехугольниковъ. Здѣсь, какъ и на любомъ старомъ кладбищѣ въ Малой Азіи, оказались обломки всѣхъ временъ—и нѣсколько камней отъ античныхъ еще построекъ и могильныхъ памятниковъ¹⁾, и даже 2—3 камня съ латинскими надписями, но совершенно стершимися, и части отъ зданій христіанскихъ, а именно обломки каменной алтарной преграды—вѣка XI—XII, судя по ея орнаментамъ.

¹⁾ См. Hirschfeld'a, I. c., стр. 302.

Когда я тщетно старался разобрать что либо изъ латинской надписи на большомъ камнѣ, бывшемъ нѣкогда среднимъ устоемъ двойного окна, казаки выражали опасеніе, что я, можетъ быть, и прочту, да имъ не скажу, что вычиталь на камняхъ этихъ, а камни де, да еще съ буквами, лежать конечно не напрасно: видно, что эта большая плита привлекала уже на себя вниманіе и ранѣе, ее уже переворачивали и подрывались подъ нее. Очевидно казаки усвоили отъ сосѣднихъ турокъ всѣ тѣ рассказы и фантазіи, которые связываются у тѣхъ со старыми «красивыми» или «писанными» камнями («гюзель - ташъ», «язили - ташъ»). Ничтожные остатки надписей ничего о прошломъ Мады не сказали, тѣмъ болѣе, что иные изъ камней могли быть привезены и изъ другихъ мѣстъ на берега озера. Латинскія надписи происходятъ очевидно изъ какой либо римской колоніи, каковыхъ здѣсь было не мало. Но древняя исторія молчить объ островахъ озера этого, именовавшагося Карадилою по городу Карадлі, подобно тому какъ теперь зовутъ по сосѣднимъ болѣе крупнымъ поселеніямъ то Кирили-гѣль, по имени Кирили («Крылі», какъ называютъ ее казаки), сохранившей древнее имя, или Бейшеир-гѣль, или же, какъ звали раньше, когда процвѣтало селеніе Енишеиръ, на З. берегу озера—Енишеир-гѣль¹⁾). Лишь въ позднѣйшія времена на сцену исторіи являются острова и обитатели ихъ. Византійскіе историки²⁾, описывающіе походъ императора Иоанна Комнина въ 1134 году, говорятъ о покореніи имъ жителей острововъ озера. Изъ Созополя, нынѣ Улуборлу, императоръ двинулся на озеро, именуемое Пусгусою или Паэгусою³⁾), гдѣ на многихъ островахъ, разбросанныхъ по озеру на равныхъ почти разстояніяхъ, жили христіане греки, которые, какъ казаки наши, «воду сдѣлали себѣ защитою», но Иоаннъ Киннамъ упоминаетъ и о крѣпостяхъ, построенныхъ на островахъ этихъ въ древнѣе времена. Эти греки не подчинялись однако византійскому императору, такъ какъ были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ конійскими турками: они могли, якобы, сѣѣздить въ Конію и вернуться домой въ одинъ день,—что при теперешнемъ состояніи дорогъ едава ли возможно. Эти христіане принадали не только многіе обычаи турокъ, но даже были столь преданны своему мусульманскому владыкѣ, что отказались подчиниться греческому императору: «такъ-то,—философствуетъ Никита Хо-

¹⁾ Этимъ именемъ объясняется, конечно, другое имя озера Янычаръ-гіоль у М. Вронченки. Обозрѣніе Малой Азіи. I, стр. 98.

²⁾ Никита Хоніатъ (ed. Bonn, стр. 50) и Иоаннъ Киннамъ (ed. Bonn. стр. 22).

³⁾ Имя это стоять, быть можетъ, въ связи съ теперешнимъ именемъ одной горы западнаго берега озера Бозъ-дагъ.

ніать,—обычаи, пріобрѣтенные съ теченіемъ времени, преодолѣваютъ національность и вѣру».

Императоръ, считая озеро стариннымъ ромейскимъ владѣніемъ, предложилъ непокорнымъ выселиться съ отрововъ и уйти къ иконийскому султану, но те отказались и отъ этого, «уповая на водный поясъ озера»; но надежды ихъ не оправдались. Византійцы воздвигли осадные машины на лодкахъ, связанныхъ помостами, и двинули ихъ противъ укрѣплений, построенныхъ на островахъ, которыми и овладѣли, правда съ большимъ трудомъ, такъ какъ поднялся сильный вѣтеръ, озеро взываловалось, не мало судовъ и машинъ перевернулось въ воду, и потонуло много воиновъ императора.

О дальнѣйшихъ судьбахъ христіанскихъ обитателей мы ничего не знаемъ: было ли завоеваніе это концомъ поселеній этихъ, или остались тамъ жить христіане и послѣ покоренія ихъ византійцами—объ этомъ груды камней на Мадѣ и замокъ Клисе-адасѣ молчатъ. Быть можетъ большая крѣпость на островѣ, видѣнномъ нами на пути, дастъ тому, кто посѣтить ее, больше указаній на предѣльное время христіанскихъ поселеній на островахъ до прихода туда казаковъ.

Вернувшись въ деревню, отправились мы смотрѣть церкви или, какъ принято говорить у наст., «молельни». Сперва посѣтили большую—Николая Чудотворца (см. рис. 2). Церковь стоитъ въ обширномъ дворѣ, гдѣ бугорки указываютъ, куда дѣвалось тридцать семей. Передъ церковью на двухъ столбахъ или вѣрище на двухъ стволахъ, поставленныхъ въ природномъ ихъ видѣ, на перекладинѣ висятъ небольшіе колокола, привезенные казаками съ собою; на нихъ есть надписи, которыхъ мнѣ разобрать не удалось: одинъ ясно читающійся годъ 1772. Надписи отчасти по русски, отчасти повидимому по гречески. Хлопецъ, читающій и поющій въ церкви, взялся за веревки и позвонилъ. Потомъ пошли мы въ церковь, хотя грековъ казаки туда, какъ табачниковъ, и непускаютъ. Церковь выстроена, какъ и хаты изъ плетня, обмазанного глиной, и крыта камышемъ. Передъ входною дверью навѣсь на столбикахъ, черезъ который входить прямо въ церковь; другая дверь въ западной стѣнѣ ведетъ сперва въ притворъ, и оттуда уже другая дверь въ церковь. Внутри стѣны и полъ вымазаны глиной такъ же чисто, какъ и въ домахъ.

Въ церкви полки, сплошь уставленныя иконами и мѣдными крестами, образцами и складнями, идуть по боковымъ стѣнамъ и по перегородкамъ, которые перегораживаютъ церковь на три части, имѣя широкое отверстіе по срединѣ. Иконы разнообразныя, то старыя совсѣмъ почернѣвшія, то поновѣѣ.

Иконы перенесены съ Майноза, но и тамъ «изографы» перевелись уже

тридцать пять лѣтъ тому назадъ. Большой напрестольный крестъ майнозского письма послѣдняго тамошняго изуграфа. На многихъ иконахъ ризы или вѣнчики, различныя привѣски: кресты, ожерелья, шитыя полотенца и даже кажется части отъ обшивы бортовъ одежды; подъ иконами, какъ и въ домахъ, куски цвѣтной матеріи, обшитые позументами съ нашитыми посерединѣ крестами.

Мѣдные кресты и образки иногда вложены въ особые кіоты: деревянныя доски съ вырѣзанными въ нихъ по формѣ крестовъ углубленіями. Въ восточномъ отдѣленіи церкви стоитъ престолъ, уставленный крестами, подсвѣчниками и разложенными по нему книгами: большое евангелие—печатано въ 10-е лѣто царствованія Алексея Михайловича.

Другая церковь (см. рис. 3) Казанской Божьей Матери стоитъ также на верхнемъ краю деревни, но южнѣе; колокола висятъ такъ-жѣ, какъ и близъ первой. Устройство подобное же, но боковой входъ не въ южной, какъ тамъ, а въ сѣверной стѣнѣ. Внутри такое же множество иконъ и мѣдныхъ крестовъ и образковъ: въ эту церковь перенесены иконы изъ уничтоженной З-й церкви.

Послѣ посѣщенія церквей пошли мы къ дьяку Кириллу Агаѳоновичу. У него калитка ведеть не прямо во дворъ, а въ родѣ открытой галлереи или сѣней, идущихъ вдоль двора. Тутъ у двери на возвышеніи пола сидѣло двое мальчиковъ съ рукописнымъ растрепаннымъ псалтыремъ и быстро складывали слова по азамъ. «Да ты читай, гдѣ гораздъ» — совѣтовалъ имъ атаманъ. Показывали они и тетрадки свои, гдѣ учатся писать уставомъ, какъ пишутъ и все грамотные казаки; гражданскую же печать съ трудомъ разбираютъ и грамотѣ.

Домъ этотъ такого же въ сущности устройства, какъ и все прочіе. Въ сѣницахъ, убраныхъ со всѣмъ возможнымъ блескомъ, на полу у дверей въ хату вмѣсто половика лежитъ распластанный старый ватный бешметъ. Надъ дверями лубочный портретъ нашей царской семьи (Александра III) московскаго изданія. Эта русская картинка не представляетъ однако чего либо особенно оригинального въ этихъ мѣстахъ, такъ какъ во многихъ христіанскихъ домахъ внутренней Малой Азіи встрѣчались мнѣ русскія лубочные картинки.

Пока сидѣли мы въ хатѣ, такой же точно, какъ и та, гдѣ мы ночевали и пили вино, закусывая красною или вѣрнѣе желтою икрой съ лукомъ (изъ рыбы «коробъ»—сазанъ), принесли туда «насѣку Игната Некрасова»: жезлъ, который атаманъ для большаго великолѣпія обиль красной матеріей, съ серебрянымъ круглымъ набалдашникомъ, довольно плохой работы, съ простѣйшими чешуйчатыми орнаментами. Эта насѣка подарена была якобы Игнату какимъ-то татарскимъ или турецкимъ княземъ. Пока мы тутъ сидѣли, шли оживленные переговоры о снятіи фотографіи съ казачекъ. Петровичъ, еще до

поездки нашей на Маду, похвалялся мнѣ «выставить дѣвоек въ кичкахъ», увѣряя, что наряды ихъ столь оригиналны, что я въ Россіи за показъ ихъ деньги братъ буду. Но тутъ на мѣстѣ оказалось, что женское населеніе Мады отнеслось къ фотографіи моей весьма подозрительно и сниматься отказалось: однѣ опасались смерти, какъ результата фотографированія, другія дипломатически выражали опасенія, не были бы недовольны отсутствующіе мужья, а дѣвки опасались, что, бывъ фотографированы, такъ и останутся въ дѣвкахъ на вѣки.

Всего краснорѣчія Петровича оказалось недостаточнымъ, чтобы переубѣдить бабъ; пришлось просить содѣйствія Сергея Романовича. И точно, ему послѣ долгихъ уговоровъ удалось уговорить нѣкоторыхъ бабъ. Но въ праздничный нарядъ нарядилась лишь одна падчерица Петровича, окончанія туалета которой пришлось ждать, конечно, не мало. Но нарядъ (см. рис. 4) былъ по истинѣ оригиналъ: на головѣ высокая «кичка» о двухъ рогахъ золотой парчи подъ желтымъ шелковымъ прозрачнымъ покрываломъ, накинутымъ поверхъ роговъ, волоса надо лбомъ и на вискахъ подвиты; съ кички около ушей спускаются подвески изъ серебряныхъ цѣпочекъ съ разнообразными подвесками; на шее мониста, борта ватной кофты съ короткими рукавами, обшиты тонкими серебряными монетами, съ большими дутыми пуговицами по срединѣ.

Три большихъ выпуклыхъ серебряныхъ бляхи: круглая, средняя и двѣ заостренныя къ концамъ, украшаютъ поясъ къ средней бляхѣ придельаны еще привѣски изъ монетъ.

Изъ подъ короткихъ рукавовъ ватной кофты спадаютъ непомѣрно-длинные рукава нижней одежды, расширяющіяся на концахъ; полосатый передникъ и новые красные сапоги заключали этотъ оригиналный нарядъ, о сходствѣ которого съ древне-русскимъ мы судить не беремся, но никакому сомнѣнію подлежать, кажется, не можетъ, что этотъ нарядъ остался неизмѣннымъ со временемъ ухода Некрасовцевъ съ Дона.

Къ сожалѣнію только одна надѣла праздничный нарядъ. Конечно послѣ снятія этой группы, неснимавшіяся остались въ обидѣ, дочь дьяка Сергея Романовича, по его словамъ — плакала даже, что Татьяну сняли въ кичкѣ, а атаманъ говорилъ: «да ты бы мово-то сынишку выбилъ». Самъ же атаманъ и дьяки не упустили случая фигурировать на каждой изъ снятыхъ фотографий, какъ и Петровичъ, нарушавшій гармонію своимъ черкесскимъ нарядомъ и зонтикомъ ¹⁾.

¹⁾ На группѣ рис. 3 4 сзади стоять (ида съ лѣва на право) атаманъ, дьякъ Сергей Романовичъ и дьякъ Кириллъ Агафоновичъ.

Домъ дьяка Сергѣя Романовича стоитъ противъ того дома, гдѣ мы водворились; въ низкой горницѣ, въ углу подъ образами, довольно много старыхъ книгъ въ кожаныхъ переплетахъ. Но насы привели сюда и заставили обратить вниманіе не на то: на полу подъ полуушубкомъ лежалъ больной казакъ. Судя по его блѣдному лицу, по долгому уже времени болѣзни казалось, что и при умѣломъ леченіи ему едва ли суждено было бы поправиться, а здѣсь при строгомъ постѣ, при отсутствіи какой либо медицинской помои, больной этотъ производилъ особенно непріятное впечатлѣніе. Внимательно и съ вѣрою слушала старуха наставленія, которыя можно было дать; и особенно непріятно было сознавать полную бесполезность и произвольность ихъ. Но и самъ больной, жалуясь и на жаръ, и на боли въ груди и поясница, и на плохое состояніе желудка, не сказалъ главнаго, быть можетъ о хронической язвѣ. Другой больной, котораго намъ показывали, жаловался на лихорадку, но имѣлъ видъ чахоточнаго въ послѣдней степени.

Посѣтивъ еще одну хату, такого же устройства, какъ и прочія, и посмотрѣвъ другаго больнаго, также мало подававшаго видомъ своимъ надеждъ на выздоровленіе, какъ и первый, стали мы собираться въ обратный путь, чтѣ началось, конечно, Ѳдою; особенно оригиналны и вкусны были «кашники», алады изъ рису на лицахъ съ медомъ.

Приготовили «лодочку», нагрузивъ ее нашими вещами, обильнымъ запасомъ подорожниковъ разнаго рода, объемистымъ кувшиномъ вина, взяли и парусъ.

Около часу до заката солнца тронулись мы въ обратный путь: гребли двое «хлопцевъ» Артемій и Федоръ¹⁾ и гребли умѣло, не хуже турокъ.

На кормѣ сидѣлъ одинъ дьякъ, а другой Ѳхалъ также провожать насъ. Погода была довольно холодная, легкій вѣтеръ позволилъ поставить въ помощь гребцамъ парусъ. Теперь мы Ѳхали на NNE къ сѣверному берегу озера къ деревнѣ Фелѣ.

Въ то время, какъ старшіе разсуждали и оживляли свои рѣчи при помощи объемистаго кувшина, хлопцы усердно гребли, и тяжело нагруженная лодка быстро подвигалась впередъ: мы шли къ сѣверному берегу озера мимо гористаго мыса, выступающаго въ озеро съ сѣвера, ограничивая съ востока равнину, идущую отъ теперешняго города Карагачу, а въ древности города Анабуръ, лежавшаго на восточномъ краю ея.

Между тѣмъ темнѣло, вѣтеръ становился холоднымъ, на плоскомъ бе-

¹⁾ Оба они стоять въ группѣ въ первомъ ряду по обѣ стороны бабъ; они же похоронены въ церкви.

регу повозки нашей видно не было. Уже послѣ заката солнца, часа черезъ два пути, пристали мы къ плоскому песчаному берегу озера, передъ которымъ озеро поросло тростникомъ. Петровичъ отправился въ деревню за повозкой, а мы, вытащивъ вещи на песокъ, долго ждали прибытія повозки, закрываясь тулурами отъ холоднаго вѣтра съ озера. Совсѣмъ стемнѣло, волны шумѣли, набѣгая на песчаный берегъ, сухой тростникъ шуршалъ; на горизонтѣ темною полосою вырисовывались горы Мады, въ промежуткахъ между облаками показывались временами звѣзды, луна еще не взошла.

Въ полной темнотѣ прибылъ Петровичъ съ повозкою, и мы распрошались съ заброшенными сюда судьбою послѣдними остатками «великаго войска кубанскаго».

Я. И. Смирновъ.

На третій день Григорій, получивши пятишку и позавтракавъ на славу, уѣхалъ домой; пировали же извѣстныи намъ порядкомъ самые близкіе родственники и моло-дые отъ души и щедро угостили ихъ, а сами не садились за столъ. Это былъ послѣд-ний пиръ, которымъ на цѣлыхъ два мѣсяца кончилось свадебное торжество въ домѣ у Якова Степановича.

Черезъ два же мѣсяца Иванъ Петровичъ и Татьяна Андреевна поѣхали къ зятю съ сыромъ... Они повезли съ собой 70 блиновъ, съ нимъ кринку масла, буракъ съ выжатымъ творогомъ (соромъ), три сотни вареныхъ яицъ и баклушки съ водкой. По приѣздѣ, затѣю подарили 100 яицъ и рубашку, дочери 50 яицъ, свекру и свекровѣ по 40 яицъ, а остальнымъ родственникамъ оставшіяся яйца поровну. Все остальное по-ложили на столъ ¹⁾, и послѣдняя свадебная пирушка началась, на ней, какъ и прежде, водка подслащивалась поцѣлуями молодыхъ... Далеко за полночь разѣхались веселые гости, и для молодыхъ наступила обыденная жизнь, весьма рѣдко прикрашиваемая пи-рушками. Не даромъ здѣсь существуетъ поговорка, что мужикъ женится для щѣй, т. е. для того, чтобы во время свадебныхъ пирушекъ полакомиться жирными го-вяжими щами.

Въ заключеніе скажу, что сущность свадебныхъ церемоній въ уѣздѣ почти одна; но въ обычаяхъ, обрядахъ, наговорахъ, присловьяхъ и т. п., не только въ отдален-ныхъ отъ города волостяхъ, но и въ ближнихъ деревняхъ пригородной волости,—существуетъ довольно много характеристическихъ оттѣнковъ, о которыхъ я поговорю впо-слѣдствіи...

H. Г. Ординъ.

Приложеніе къ статьѣ Я. И. Смирнова:

Казаки-Некрасовцы на островѣ Мадѣ.

Редакторъ на дняхъ (16 апр.) получилъ письмо отъ Я. И. Смирнова изъ Константи-нополя отъ 8 апр. съ приложеніемъ двухъ «любоитныхъ документовъ», по-лученныхъ имъ того же 8 апр. изъ Кони отъ казака Исаака Петровича. Исаакъ Петровичъ записалъ двѣ пѣсни уставомъ церковно-славянскими письменами (Ѣ=я, ѿ=о, въ нач.) и 8 въ серединѣ и въ концѣ словъ съ титлами (ѢѢ), придыханьями и удареніями.—Печатаемъ гражданкою, безъ придыханій, но съ сохраненіемъ ударе-ній (гдѣ поставлены) и всего правописанія. Обѣ пѣсни записаны въ строку безъ раз-дленія на стихи. Исаакъ Петровичъ записывалъ очевидно припѣвай. Срви. «въ пи-ражѣхъ бѣгутъ ууть да прибѣгали». Говорятъ нашихъ казаковъ конійскихъ, какъ ясно видно, принадлежить къ южновеликорусскимъ, сильно акающимъ, въ родѣ рязанскихъ. Безударное о=а, а же подъ удареніемъ =о (срви. наше пальто, во множествѣ, польты, плотежь), е съ удар.=и, безъ удар.=я (въ к. слова—«ва чисту полья»), и безъ удар. (послѣ шип.) =у (дарожу нѣка); =г'=ѣ, отсюда =в (вой вм. гой). вм. в=г'=и въ концѣ слова х (казачькохъ, род. мн.), отсюда и ко-ниихъ род. мн. (са добрыхъ кониихъ). Любопытно употребленіе буквы ю вм. јо: разабюмъ, пирялютъ (разабѣмъ, перелѣтъ)

1) Масло уже растопленное поставлено на столъ съ цѣлью обмакиванія въ него блиновъ бывшимъ гостямъ.

Вм. дѣвушка Ис. Петровичъ пишеть дюгѣюшка, т. е. дюгѣюшка, дѣвѣюшка; *кя* вм. *ка*; *ть* въ Зл. наст. мн. ч. (багутъ).

Замѣтимъ что крашоная (царская дюгѣюшка)=красьная=крашнаѧ=кращеная=кращоная т. е. красивая или красная дѣвушка (обычный эпитетъ).

Непонятно только слово тихонскии (салтанушки).

Зрѣ́та пѣсня Игната Никрасава.

За го́рами да за крутами, бра́цы, бы́ло снигавы́ми,
За лѣсами да за тѣмьниами, бра́цы, бы́ло снигавы́ми
Стаяла та́мъ да крашоная, бра́цы, царская дюгѣюшка,
Какъ ка тое то было ка дюгѣюшки ани саяжалися,
Саяжалися узденъя мурзы, бра́цы, мурзы кабардитини,
Ани думали да гадали, бра́цы, ани думу кре́шкаю
Присягу ани присягали, бра́цы, ани к басурманину:
Пайдемъ, разабомъ ту армюшку, бра́цы, а мы царя белава,
Самовѣ то мы да царевица, бра́цы, а мы ва палонь вазміомъ,
А Илѣну мы да царыцу, бра́цы, в манастырь сашліомъ.
Зрѣти господѣ́таи пѣсни коне́цъ.

Пѣсня Игната Некрасава.

Во из доблика да далѣка да бы́ло ва раздблика
Ай да а ишибо да тавѣ да падблика бы́ло ва чисту иолья
Ай да та́мъ пралегавала путь дарожунъя, аиа ни широбкаая
Ай да далиниою аиа путь дарожунъя аиа канца краю не́ть
Ай да ой нихътожъ та па той па дарожунъки нихътожъ да ни хажаваль
Бой ни хажаваль па дарожунъки нихто да ни ежаваль,
Ня два літъпана два саколика ани вириліотъ ляятъ,
Ай да два салтанушки два тихонскии ани въ пирябехъ багутъ
Уть да прибияли ани ка Игнатаву ани ка бялу шатъру,
Ани слазивали са добрыхъ конихъ ани на сыру землю
Вой да ани влезивали ка Игнатьи ани ва бялой шатъръ
Ее да какъ спаси та Христосъ два салтанушки два тихонс(кіи) ¹⁾
Ее да какъ зачесмъ жа вы два салтанушки ка мъне да приехали?
Ее да какъ с Бѣгъ помочь тебе бо (sic) та Игнать сударь а самъ да Некрасавицъ
Какъ дава́ кя с табои мы Игнать сударь с табои пазасъпораимъ
Какъ давай кя с табои мы Игнать сударь а мы казачкохъ дялить
Ити да казачкохъ та дялить, Игнать сударь, на три счастаочки
Ии да на три счастаочки казазачкохъ (sic) дялить на три шаички.
Етай пѣсни кане́цъ писаль Исаакъ Петровичъ ²⁾.

¹⁾ Эта строка вписана послѣ, между предыдущею, и послѣдующею, при чёмъ, по образцу старыхъ рукоцисей, Исаакъ Петровичъ прибавилъ на полѣ: «зрѣти на верхъ» и затѣмъ: «зри зде починай».

²⁾ Очевидно цѣлая пѣсня въ памяти нашихъ Малоазийскихъ казаковъ не сохранилась.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанского

Выпускъ I

годъ шестой

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12

1896

Оглавление.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Стран.

1. Изъ поѣздки по Малой Азіи. У Некрасовцевъ на островѣ Мада, на Бешеирскомъ озерѣ, Гамидъ-Абадскаго санджака, Конійскаго Вилайета. <i>Я. И. Смирнова</i>	3— 31
2. Древнія двуосновныя личныя имена у Литовцевъ, ихъ составъ и происхожденіе. <i>Ю. П. Кузнецова</i>	32— 50

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Свадьба въ подгородныхъ волостяхъ Сольвычегодскаго уѣзда. <i>Н. Г. Ордина</i>	51—121
2. Приложение къ статьѣ Я. И. Смирнова—Изъ поѣздки по Малой Азіи ,	121—122

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. По поводу приложения къ отчету А. Л. Погодина о его поѣздкѣ въ Ковенскую губернію. <i>Ив. Яблонскаго</i> .	123—130
2. Бѣлорусское Полѣссе. Сборникъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ М. Довнаромъ-Запольскимъ. Выпускъ I. Пѣсни Пинчуковъ. Кіевъ 1894 г. <i>Н. Т</i> —вз.	131
3. Ежегодникъ Тобольскаго губернскаго Музея. <i>Н. Т</i> .	131—132